Пинкевич В.К.

Вероисповедные вопросы в работах Комитета министров в январе-марте 1905 г.

В ряду сложных социальных, экономических, политических проблем, с которыми столкнулась Россия в начале XXв., реформирование вероисповедного законодательства являлось одной из ключевых. В обществе накапливался целый ряд тревожных симптомов. Заметным явлением становились не только рабочие стачки, студенческие беспорядки, оформление земской оппозиции, но и рост сектантского движения, национальные движения на окраинах империи. Подъем революции, непосредственное воздействие сложившейся общественно-политической ситуации заставили царское правительство начать либеральные реформы во всех сферах жизни, в том числе и в вероисповедной.

В конце 1904 г. Николай II решился на издание «Именного Высочайшего Указа» Правительствующему Сенату «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка».[1] В нем предполагалось развитие в либеральном направлении земских и судебных учреждений, устранение стеснений в постановлениях о печати, возвещалось завершение крестьянской реформы. Кроме того, в Указе признавалось неотложным «подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и....принять соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного, стеснения»[2].

Издание Указа от 12_ декабря 1904 г. было тесно связано с именем С.КХ Витте, который, как вспоминал один из его современников, «олицетворял

---

[1] Первая попытка декларировать реформы в жизни государства относится к концу 1902, началу 1903 г. Манифест, изданный 23 февраля (903 года, в части, касающейся вероисповедных вопросов, содержал призыв властей \\к \к^1сттлснию зз.встоб веротерпимости, предначертанных в Основных Законах».

[2] Миронов М. Государственные акты от указа 12декабря 1904г. до указа Пдекабря 1905г. -СПб., 1906, С.60 (далее-Государственные акты...)

собой то, что в обреченном на гибель, разрушающем себя самодержавии еще оставалось здорового и могло спасти ему жизнь»[3]. С.Ю.Витте употреблял все усилия, чтобы провести реформы, намеченные в Указе 12 декабря 1904 г., наиболее эффективно и в короткие сроки. Руководя работой Комитета министров, он по каждому из рассматриваемых вопросов давал инициативу, направлял и курировал его разработку.

Обсуждению вероисповедных вопросов Комитет министров посвятил шесть заседаний в период с 25 января по 1 марта 1905 г. Из них на первых четырех были рассмотрены общие вопросы: об отпавших от православной веры, а также выработаны основные положения о правах старообрядцев и сектантов. На двух последующих заседаниях Комитета обсуждались вопросы об инославных христианских и иноверных нехристианских исповеданиях.

Слишком большое разнообразие проблем, связанных с пересмотром законов о веротерпимости,[4] заставило Комитет наметить различные способы их разрешения. К первой группе относились те вопросы религиозных стеснений, которые могли с полной определенностью быть установлены Комитетом министров как подлежащие немедленному устранению (акты текущего административного управления, вопросы амнистии). К другой группе были отнесены более сложные, подлежащие отмене, но требовавшие окончательной формулировки со стороны

---

[3] Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России.- Париж, 1934. С. 250.

[4] Законодательные постановления, определяющие положение и устройство инославных церквей и иноверных религиозных общин в большей своей части сосредоточены в ч.1 т. XI Свода заколов в «Уставах духовных дел иностранных исповеданий» (изд. 1896г.), наряду с этим разбросаны в других томах Свода. Так, сословные права духовных лиц инославных и иноверных исповеданий определяются в законах о состояниях (т. IX); положения; о браках инославных с православными содержатся в законах гражданских (т.X ч. I) о порядке разрешения строительства храмов-в строительном уставе (т. XII, ч. I), о порядке деятельности духовенства различных исповеданий -- в уставе о предупреждении и пресечении преступлений (т. XIV), об ответственности за совращение из православной веры и другие преступления против веры - в уложении о наказаниях (т. XV).)

подлежащих министров. И, наконец, к третьей группе были отнесены проблемы, связанные с изменениями действовавшего законодательства, и, следовательно, требующие большой подготовительной разработки, Для этого, по мнению Комитета, следовало учредить Особое вневедомственное совещание.

Приступив к пересмотру действовавших узаконений, Комитет остановился на некоторых общих соображениях о состоянии вероисповедного вопроса в России. В общей преамбуле к докладу Комитета министров было признано, что в законодательстве об исповеданиях имела место «некоторая неполнота и отсталость» от современной жизни. Это приводило к тому, что в области веры развилось широкое применение административных распоряжений властями различных уровней, которые, не находя в законе нужных норм, нередко сами устанавливали казавшиеся им необходимыми правила.[5]

Комитет Министров признал., что государством, из политических соображений, допускались ограничения в религиозном быте иноверцев. Было отмечено также, что подобные стеснения, в силу политической необходимости, могут подлежать сохранению и впредь. Однако, при этом было признано, что, если государство сочтет нужным и впредь допускать подобные ограничения, то необходимо руководствоваться не актами текущего управления, как это было до сих пор, а придать этим возможным ограничениям силу закона.[6]

Еще одно принципиальное соображение касалось вопроса о статусе православной веры в государстве. В Комитете министров было высказано «решительное убеждение», что изменениями в действующем законодательстве не должно быть поколеблено первенствующее и господствующее положение православной веры и «не должно быть умаляемо значение уз, исторически скрепивших воедино судьбы Государства Русского и

---

[5] Государственные акты... С.60

[6] Там же.

Православной Церкви». При всех возможных изменениях в законодательстве, по мнению членов Комитета, должны сохраняться преимущества, придающие православной вере значение господствующей: принадлежность к ней царя, исключительное право привлечения последователей, а также полное материальное содержание господствующей церкви из общегосударственных доходов.[7]

Одним из принципиальных вопросов, на который Комитету министров необходимо было дать ответ, состоял в возможности допущения выхода из православной церкви.[8] Ответ на него имел принципиально важное значение для всего процесса демократизации вероисповедных отношений в государстве. Признавая, что допущение отпадения из православия в иное исповедание, по глубине затрагиваемых им сторон духовной жизни человека, имеет «неизмеримое значение», Комитет министров ушел от принципиального обсуждения проблемы и сделал акцент лишь на «практической важности» вопроса. По смыслу преамбулы выходило, что проведение вероисаиведных реформ вызвано было не насущными задачами демократизации общества, а необходимостью снятия социального напряжения в национальных регионах империи.[9] Комитет также вынужден был признать, что в результате политики насильственного присоединения к православию иноверцев и их потомков образовались целые группы населения, лишенные нормальной религиозной жизни. По данным, приведенным Комитетом министров и наиболее крупным и требующим к себе особого внимания относились следующие группы:

1) Прибалтийские латыши, отпавшие в протестантизм (около 30 тысяч);
2) Униаты, «упорствующие в католицизме» в губерниях Северозападного края и Царства Польского (около 100 тысяч);

---

[7] Государственные акты... С.70

[8] В формулировке Комитета он выглядел следующим образом: «связано ли с охранением господствующего положения церкви принудительное удерживание в ней лиц, фактически отпавших, но формально принадлежащих к православной церкви?»

[9] Государственные акты... С.70

3) Татары Приволжских губерний[10];
4) Самую большую группу составили раскольники и сектанты, отпавшие от православия, но официально числящиеся православными. Кроме перечисленных, в разных местностях империи встречаются группы инородцев, отпавших в нехристианские исповедания (закавказские абхазцы, забайкальские буряты и др.).

Действовавшим законом этим лицам запрещалось, открыто исповедовать свою настоящую религию, а духовенству не разрешалось отправлять для них никаких треб. Комитет Министров признал, что кроме нравственных и духовных страданий, эти люди были лишены существенных гражданских прав. Рождения, браки и смерти этой части населения большей частью оставались не записанными в метрические книги, они не имели законной семьи и лишались твердых имущественных прав.

В рамках преамбулы было признано, что в действиях государственных органов имели место факты преследования за отпадение от православия. Несмотря на то, что действовавшее законодательство прямо не устанавливало репрессий за такое отпадение, но поскольку сам факт отпадения законом не признавался, то выход из православия влек за собой состояние полного бесправия для отпавшего. Комитет министров признал несправедливым ограничение в гражданских правах лиц, отпадавших от православной церкви, и рекомендовал правительству изменить соответствующее законодательство.

Необходимо отметить, что все вышесказанное касалось только случаев перехода из православия в другое христианское исповедание. В докладе специально было отмечено, что переход православного в нехристианское исповедание не соответствует «глубокому сознанию истинности высоких начал, лежащих в основе веры Христовой», поэтому в отношении подобных

---

[10] Количественных данных нет, в докладе лишь указывалось, что «имеется значительное количество крещеных татар, отпавших в магометанство»

случаев должны сохраняться все правовые последствия, связанные с непризнанием государством подобного перехода. Это правило, однако, не должно было распространяться на те группы иноверного населения, которые сами, или их предки помимо их воли, были приписаны к православию.[11]

Один из существенных вопросов, который предстояло разрешить, был связан с вероисповедной принадлежностью детей от смешанных браков. Комитет министров рекомендовал меры, обеспечивающие «обдуманность» принимаемого решения отпадавшего. В связи с этим переход в другую религию должен был быть обусловлен достижением возраста гражданского совершеннолетия. При этом, по мнению Комитета, необходимо было предусмотреть «участь» не достигших этого возраста детей, родители которых меняли исповедание. Желательные варианты решения этого вопроса должны состоять в следующем: 1) при переходе в другое вероисповедание одного из супругов, все, не достигшие совершеннолетия дети должны оставаться при прежней вере; 2) при переходе в другое вероисповедание обоих супругов, дети до 14 лет должны следовать вере родителей, а достигшие этого возраста должны оставаться в прежней религии.

Присутствовавший на обсуждении этого вопроса митрополит Антоний (Вадковский)[12], высказался в том смысле, что разрешение вопроса о свободном выборе религии практически снимает проблему исповедания детей от смешанных браков, так как эти последние, по достижении ими совершеннолетия, смогут сами определиться со своей верой. То небольшое, по мнению митрополита, преимущество, которое сохраняется за господствующей церковью в данном вопросе, желательно было бы сохранить и впредь. Комитет присоединился к мнению, высказанному преосвященным Антонием. Более подробная разработка этих правил, по мнению Комитета, должна была стать предметом занятий Особого совещания.

---

[11] Государственные акты...С.71-73

[12] Митрополит Антоний (Вадковский) - первенствующий член Святейшего Синода

В заключение общих суждений по изменению вероисповедного законодательства Комитет предписывал безотлагательно отменить те стеснительные меры в отношении иноверия, которые принимались центральным управлением Министерства внутренних дел, а также местными губернскими начальствами. Подлежали амнистии отдельные лица, подвергшиеся репрессиям за «религиозные заблуждения», не по суду, а по особым распоряжениям, от каких бы начальств они не исходили. Кроме того, Главным начальникам ведомств и, в частности, Обер-прокурору Святейшего синода предписывалось «незамедлительно войти с докладами» к царю о помиловании тех лиц, которые были подвергнуты без суда высылке из мест постоянного жительства или лишения свободы за религиозные заблуждения.[13]

От общих суждений Комитет перешел к обсуждению оснований, которыми определялось положение отдельных исповеданий. Это, прежде всего вопросы, касающиеся раскола (старообрядцев), инославных и иноверных исповеданий.

Как не соответствующими требованиям времени Комитет признал отсутствие у государства твердого и однозначного взгляда в отношении сектантства. Законодательные постановления начала и середины XIX века относились к отдельным сектам и носили случайный характер. В настоящем своем положении, по мнению Комитета, сектантство требовало серьезного к себе внимания со стороны законодательства. Господствовавший в практике государства политический взгляд на раскол и сектантство, по мнению Комитета министров, больше не соответствовал государственным интересам, поскольку раскол уже не представлял собой дестабилизирующего фактора, вносящего разлад в жизнь государства.

---

[13] Государственные акты...С. 61

Комитет принял решение отменить победоносцевское положение о сектантах 1894 года и «ясно выразить в законе», что правительством признается за русским сектантством право на существование с распространением на него и тех правил веротерпимости, которые были установлены для старообрядчества. Таким образом, приверженцам всех (кроме изуверных) сект должна быть обеспечена возможность пользоваться метрическими книгами, предоставлено право общественных богомолений и т.п.

Конкретные решения Комитета министров по расколу и сектантству сводились к следующему:

1. В законе было установлено различие между вероучениями, объединенными общим наименованием «раскол». Последние разделили на три группы: а) старообрядческие согласия, б) сектантство и в) последователи изуверных сект, принадлежность к которым должна наказываться в уголовном порядке.

2. Всем последователям толков и согласий, которые признавали основные догматы православной церкви, не признавая некоторых принятых ею обрядов и отправляя свое богослужение по старопечатным книгам присваивалось наименование «старообрядцев» взамен употреблявшегося названия «раскольников».

3. Религиозным обществам старообрядцев и сектантов присваивался статус «общин» и право юридического лица.

4. Предоставлялось право на сооружение и ремонт молитвенных домов на тех же основаниях, что и инославным исповеданиям.

5. Духовным лицам старообрядцев и сектантов присваивалось наименование «настоятелей и наставников». Они подлежали исключению из состояния мещан и сельских обывателей, если они к этим состояниям принадлежали, и освобождались от призыва на военную службу.

6. Духовным лицам разрешалось совершение духовных треб в частных и молитвенных домах.

7. Разрешалось устройство старообрядцами и сектантами начальных

школ и преподавания детям Закона Божьего на следующих основаниях: а) в местностях со значительным старообрядческим или сектантским населением разрешалось учреждение начальных школ, которые должны были содержаться на их средства, но состоять в ведении министерства народного просвещения; б) наставники, преподающие Закон Божий детям старообрядцев и сектантов, должны соответствовать определенному образовательному цензу.

8. Отменялись постановления, ограничивающие печатание и ввоз в страну старообрядческих и сектантских богослужебных книг.

9. Старообрядцы и сектанты уравнивались в правах с лицами инославных исповеданий в отношении заключения ими с православными смешанных браков.

10. Функция ведения метрических книг возлагалась на духовных лиц старообрядцев и сектантов.

11. Для погребения умерших - разрешалось иметь особые кладбища[14].

Кроме того, Комитет ходатайствовал об отмене некоторых законодательных положений: об ограничении поступления раскольников в юнкерские и военные училища и о производстве их в офицерские чины; об отмене ограничительных указаний о наградах за храбрость нижних чинов из молокан, духоборов и последователей других сект; отменялось Положение от 4 июля 1894 г. о запрещении молитвенных собраний последователям секты штундистов.

Комитет Министров принял постановления и в отношении ииославных исповеданий. В общей части суждений, относящихся к этому вопросу, было признано, что стеснение свободы веры в отношении инославных исповеданий было продиктовано не столько несовершенством общего законодательства (хотя и это имело место), сколько наличием большого количества административных распоряжений, вызванных причинами

---

[14] Государственные акты...С.71-73

политического характера. Особенно это относилось к политике государства на западных окраинах империи в отношении римско-католической церкви, в связи с состоянием польско-российских отношений. В этой связи Комитету предстояло разрешить ряд проблем, связанных с мерами, направленными к смягчению русификаторской политики правительства в отношении римо-католиков. Одним из таких вопросов стала необходимость обязательной сдачи выпускниками римско-католических духовных семинарий экзамена по русскому языку и русской истории[15].

Комитет Министров остановился на обсуждении порядка сооружения инославных церквей и молитвенных домов. Действующие в этом отношении правила состояли в следующем: разрешение каждой отдельной постройки зависело от усмотрения местной губернской администрации, обязанной отдельно, по каждому случаю сноситься с местным православным епархиальным начальством. Установление подобного рода требований объяснялось политическими мотивами, то есть значительным распространением того или другого инославного исповедания в тех районах империи, в которых соображения религиозно-политического характера вызывали в свое время надобность в оказании защиты православной церкви. Ограничения привели к запрещениям строить католические храмы, ввиду широкого толкования государственной политики со стороны местных администраций. В результате, при образовании новых приходов, и даже при значительном увеличении численности инославного населения религиозные потребности верующих оставались неудовлетворенными.

---

[15] История этого вопроса восходит к 1875 г. когда было «Высочайше повелено» в римско-католических духовных семинариях губерний Царства Польского установить преподавание русского языка и русской истории. Последующие постановления1899 г. и 1902 г. усилили действие этого указа. В 1895 г. состоялось Высочайшее повеление, предписывавшее экзамен по русскому языку, словесности и русской истории. С 1902 г. к замещению вакантных должностей допускались только лица, успешно сдавшие экзамен по данным предметам. Это привело к тому, что возросло число «бездолжных» священников, не имевших права занимать вакансии в приходах. Комитет ходатайствовал об отмене Высочайшего повеления от 17 января 1902 г.

Комитет, в виде общего правила, постановил, что для разрешения постройки, возобновления и ремонта церквей и молитвенных домов всех христианских исповеданий необходимо: а) согласие духовного начальства соответствующего инославного исповедания; б) наличие необходимых денежных средств; в) соблюдение технических требований строительного устава. Эти же условия должны были действовать в отношении закрытия действующих монастырей. Изъятия из этого правила, если таковые могут быть для отдельных местностей необходимыми, могут устанавливаться только в законодательном порядке[16].

В рамках рассмотрения вопросов, касающихся проблем религиозной свободы и быта лиц иноверных нехристианских исповеданий, Комитет приступил к рассмотрению порядка избрания и назначения должностных лиц магометанского духовенства. Комитетом было признано, что порядок определения к должностям лиц мусульманского исповедания имеет значение только для тех обществ, делами которых они призываются управлять. Участие правительства в этом процессе должно ограничиваться проверкой политической и нравственной благонадежности поставляемых духовных лиц. Поэтому Комитет предложил сохранить за правительством право утверждения лиц мусульманского духовенства, а сам порядок и способ избрания предоставить свободному определению прихожан[17].

Далее Комитет министров предоставил на рассмотрение проектируемого Особого Совещания ряд вопросов, которые должны были быть разрешены в духе объявленной веротерпимости. Среди них следующие:

1) о сооружении молитвенных домов иноверных исповеданий;

2) о порядке избрания и назначения должностных лиц магометанского духовенства, приходских и высших;

3) об освобождении от призыва на действительную военную службу из

---

[16] Государственные акты...С.75

[17] Там же.

запаса некоторых лиц магометанского духовенства;

4) о порядке открытия магометанских духовных школ;

5) об учреждении особых духовных управлений для киргизов областей: Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской, а равно дл магометанских общин на Северном Кавказе, в Ставропольской губернии Туркестанском крае и Закаспийской области;

6) о возможности дозволения воспитывать подкидываемых детей в религии принявших их на воспитание иноверных семей.

По каждому из этих вопросов проектируемому Особому Совещании предписывалось разработать законопроекты и представить их дл: утверждения в Государственный Совет[18].

Комитетом Министров был поднят вопрос о пересмотре законоположения и постановлений о ламаитах. Председатель Комитет; объяснил, что в то время, когда создавалось законодательство о ламаитах и их религии, их культ был подведен под определение языческих верований Результатом такого взгляда на ламаизм явилось отрицательное к нему отношение и стремление поставить его в наименее благоприятные условия.

Между тем, как отметил председатель Комитета, пристальное изучение в последнее время этой религии показало, что хотя в руках невежественного духовенства эта религия может принимать грубые идолопоклоннические формы, по самой своей сущности ламаизм «полон высоких моральных и философских истин», так как в нем сохранились в значительной мере предания старинного буддизма. Указанные обстоятельства, по мнению Председателя Комитета, побуждали к изменению господствовавших взглядов в отношении ламаизма. Впредь запрещалось именовать исповедовавших ламаистскую веру в официальных актах идолопоклонниками и язычниками.[19]

---

[18] Государственные акты... С.74

[19] Государственные акты...С.7ь

В этой связи Особому Совещанию было поручено приступить «к тщательному рассмотрению» положения ламаитов и пересмотру действовавших в отношении их узаконений.[20]

Таковы основные итоги работы Комитета министров в январе - марте 1905 г. Предложенные им рекомендации были «Высочайше одобрены» и приняты к дальнейшей, законодательной разработке. Выработанные Комитетом принципы государственной вероисповедной политики составили основу всех последующих законодательных изменений в религиозном вопросе в России.[21] Выход в свет знаменитых Указа «Об укреплении начал веротерпимости» (апрель 1905 г.), а также манифеста 17 октября 1905 г. провозгласившего, среди прочего, «незыблемые основы гражданской свободы на началах...свободы совести», также во многом был связан с принципиальными разработками Комитета министров, руководимого С.Ю. Витте.

Однако, и на это необходимо обратить особое внимание, вероисповедное реформаторство С.Ю.Витте не меняло ключевых принципов государственно-конфессиональных отношений в России. Руководимый им Комитет не пошел дальше разработки норм, расширявших привилегии и границы религиозной «терпимости» православного государства к иным исповеданиям. По-прежнему сохранялось господствующее положение православной церкви и, прежде всего, монополия религиозной пропаганды. Не предусматривалось установление равноправия и среди «признанных исповеданий». Государство по-прежнему оставляло за собой право

---

[20] Работа Особого Совещания по вопросам о веротерпимости, созданного по представлению Комитета министров оказалась мало эффективной. Во всяком случае, этот орган не предоставил никаких законченных законопроектов. Материалы работ Совещания были переданы в Министерство внутренних дел и впоследствии были использованы в законотворческой работе уже правительством П.А. Столыпина

[21] Витте С.Ю. Воспоминания. - М, 1960. Т. 11. С.361

установления режима эксклюзивных привилегий для каждого из них в зависимости от политической конъюнктуры и других обстоятельств. По-прежнему за правительственными органами сохранялось право опекать и направлять внутреннюю жизнедеятельность этих исповеданий. И, наконец, как и прежде, не признавалось право религиозного самоопределения личности, в том числе и право не принадлежать ни к какой вере.

Однако все это не дает оснований преуменьшать значение деятельности Комитета министров в религиозном вопросе. Она имела большое значение для процесса демократизации государственно-конфессиональных отношений в России. Социальная нестабильность, противодействие консервативно настроенной части общества не давали возможности радикального разрешения накопившихся проблем в духе принципов религиозной свободы. Несмотря на это, достигнутый С.Ю.Витте результат можно считать для своего времени оптимальным.